

бсты является комплексное исследование северокавказских народов, в глубокой взаимной связи, теснейших контактах. Автор прав, подчеркивая в конце книги, что «этнонимы и племенные названия нередко играют немалую роль в выяснении отдельных моментов этнической, а иногда и политической и социальной истории северокавказских народов» (стр. 177).

Хочется отметить, что исследование Н. Г. Волковой представляет большой интерес не только для этнографов, специалистов по Северному Кавказу, но и для историков, археологов, лингвистов. Оно будет очень полезно и учителям школ, студентам, краеведам.

«... Из тьмы веков, на мировом погосте звучат лишь письмена», — так сказал поэт. Письмена сохранили нам, в частности, и богатые сокровища этнонимики. Названия племен и народов в книге Н. Г. Волковой повествуют о былой их истории, которую можно воссоздать главным образом только благодаря тому интересу к предкам современных вайнахов, осетин, адыгов и других бесписьменных народов со стороны их соседей, обладающих письменной историей — грузин, армян и прежде всего — русских. Так, книга о древних и современных этнонимах помогает уяснить результаты историкокультурных взаимодействий между народами, без чего немислимо изучать историю Кавказа и его многонационального населения.

В. Б. Виноградов

Г. П. Снесарев. Под небом Хорезма. М., 1973, 160 стр.

Специалисты по этнографии народов Средней Азии хорошо знают, что до сих пор исследование традиционных культур этого региона затруднено недостатком фактического материала. Имеющаяся литература не отражает всего разнообразия этнографии края, где еще совсем недавно народы дробились на локальные и даже «племенные» группы, отличавшиеся друг от друга некоторыми обычаями, деталями одежды и жилища, говором, верованиями, а нередко и хозяйственными традициями. При этом степень изученности отдельных черт традиционной культуры неодинакова. Наименее исследованы религиозные верования всех среднеазиатских народов.

Книга Г. П. Снесарева «Под небом Хорезма» содержит новые сведения о религиозных традициях узбеков, живущих на берегах Амударьи. Как и все предыдущие работы Г. П. Снесарева, эта книга основана на полевых материалах автора, что придает ей особую ценность. В наши дни традиционная культура народов быстро исчезает, и этнография, до сих пор постоянно пополнявшаяся материалы о «живой старине» и создававшая свои собственные уникальные источники, весьма скоро этой возможности лишится. Поэтому публикация новых сведений, полученных не из архивных документов и литературы, а в общении исследователя с населением, сейчас становится делом первостепенной важности. Книга Г. П. Снесарева напоминает о том, что надо торопиться зафиксировать неизученные черты народного быта, ибо многие описанные автором обычаи уже безвозвратно ушли из жизни.

Наиболее насыщенной новыми данными представляется глава «У заглогошего очага», посвященная исследованию своеобразного ответвления среднеазиатского суфизма. Суфизм, в течение столетий порождавший многочисленные течения и сектантского типа общины, имел в разных районах «мусульманского мира» свои местные особенности, поэтому для изучения его в целом очень важны конкретные сведения о различных суфийских группах. Материалы, которые собрал Г. П. Снесарев о братстве дервишей-каляндров Хорезма, дают достаточно полное представление об образе жизни этой замкнутой и экзотической корпорации, занимавшейся сбором подаяний. Необычайно интересны данные о быте дервишей, их организационной структуре и о культе очага в обители каландаров, который автор убедительно считает остатком древних доисламских верований...

В другой главе — «Вольнодумцы с развалин древнего Кята» автор рассказывает об иной группе объединенных религиозными убеждениями людей. Эта группа была очень мала, но само ее существование настолько поразительно, что известия о ней имеют огромное значение для правильного понимания процессов, свойственных среднеазиатскому исламу в конце XIX — начале XX в. Г. П. Снесареву удалось напасть на следы религиозного вольномыслия, сумевшего удержаться в Хорезме, несмотря на господство средневекового мусульманского фанатизма. Как доказывает автор, это вольномыслие берет свои истоки в учениях ранних рационалистических мусульманских сект, однако имеет и примесь элементов доисламской идеологии Хорезма, в частности зороастризма. Таким образом, Г. П. Снесарев нашел и проанализировал редчайшее свидетельство о древних традициях вольнодумства, сохранявшихся в народе еще в начале нашего века вне связи с суфизмом или мусульманским модернизмом.

Остальные пять глав своей основной проблематикой перекликаются с монографическим исследованием Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969). В этих очерках мы встречаемся с архаическими образами анимистических воззрений — с великанами-дэвами — строителями лежащих

в различных крепостях, с драконами аждархо, которые, как и дэвы, уже «из живого религиозного быта... перекочевали в область сказочного фольклора» (стр. 28), со зло-вредной карлицей албасты, с духами пари, будто бы помогающими шаманам, со свя-тыми, культ которых восходит к доисламской эпохе, с почитанием реки Амударьи и, наконец, со странным «отверженным» сословием «омывальщиков мертвых, которое своим изолированным положением очень напоминало отдельные индийские касты. Воз-вращаясь в этих главах к некоторым выводам, сделанным в первой книге, Г. П. Сне-сарев приводит новый, не опубликованный прежде материал, чем существенно под-тверждает свои гипотезы о связи рассмотренных явлений с зороастризмом или более древними формами религиозных верований населения Хорезма.

Впрочем, книгу «Под небом Хорезма» нельзя оценивать, исходя лишь из того, какого рода традиции религиозной жизни края впервые или по-новому освещены ав-тором. Интерес книги определен не только самим фактическим материалом, но и фор-мой его изложения. «Под небом Хорезма» — это цикл популярных очерков о работе этнографа, предназначенный для массового читателя. Г. П. Снесарев, специалист по истории религии и древних социальных институтов народов Средней Азии, известный как автор целого ряда научных трудов, недавно выступил и как писатель-беллетрист. Его ампула — рассказ о научном поиске ученого, насыщенный меткими и выразительны-ми бытовыми зарисовками. Здесь не место говорить об очевидных художественных достоинствах популярных работ Г. П. Снесарева. Наша задача — определить, в чем состоит научная значимость увидевших свет очерков этнографа. Избранный Г. П. Сне-саревым жанр предоставляет богатейшие возможности для изображения быта наро-да, для более полной передачи этнографических наблюдений. В своих очерках, напи-санных легко и изящно, Г. П. Снесарев сумел чрезвычайно точно воспроизвести саму атмосферу жизни населения Хорезма. Читатель как бы присутствует вместе с автором на празднествах, становится очевидцем архаических ритуалов, ощущает все своеобра-зне местной обстановки и, самое главное, видит людей, в мыслях и поступках которых проявляются и живут религиозные верования, составляющие предмет изысканий ав-тора. Портреты людей удаются Г. П. Снесареву удивительно хорошо. Тепло и тонко передан сложный образ одного из лучших информаторов автора — муллы Садуллы, которому посвящен целый очерк. Незабываем и нарисованный несколькими лаконич-ными штрихами портрет старой Айши, бывшей хранительницы святилища «Цветочной госпожи». Г. П. Снесарев щедро знакомит читателя со своими друзьями и собеседни-ками, создавая ясное представление о социальной среде, в которой еще сохраняются некоторые воззрения и обычаи старины. Любой, даже самый незначительный герой очерка введен автором в действие для того, чтобы показать, как неодинаково пре-ломляются в индивидуальном сознании прежние традиции, сколь различно относятся к древним верованиям люди разных поколений в наши дни. Среди пестрой череды вос-произведенных «с натуры» героев мы видим и религиозных фанатиков, и людей, ото-шедших от религии. Я убежден, что такого рода живые зарисовки являются неизме-римо большим вкладом в науку, чем схематические и обобщенные описания тех же фактов.

В связи с этим нужно заметить, что за последние десятилетия в нашей науке совсем не подвергался обсуждению вопрос о формах изложения конкретного матери-ала. Этнография заметно обогатилась в области теории, произошло совершенствование методологии, методики сбора полевых материалов, а также анализа фактических дан-ных. Но само искусство описания народной жизни, без которого этнография лишается чуть ли не основного условия научной достоверности в воспроизведении фактического материала, не получило дальнейшего развития. Так, немало этнографических работ, опубликованных за последнее десятилетие, содержат добросовестное и детальное опи-сание занятий, жилища, одежды, утвари, пищи, семейного и общественного уклада, празднеств, обрядов и религиозных воззрений, но все же не дают должного представ-ления о народной жизни, так как за рассмотренными предметами и обычаями не видно людей. А как бы ни смещались акценты в проблематике исследований с развитием на-шей науки, изучение и показ жизни народов неизменно останутся главной задачей эт-нографии.

Сейчас можно отметить выросшее внимание научной общественности к этому во-просу: появляются интересные популярные книги и статьи, возник специальный раздел в журнале «Советская этнография». Однако популярные издания, расширяя и укреп-ляя необходимую связь науки с массовым читателем, не меняют сути дела: между по-пулярной и собственно научной этнографической литературой по-прежнему пролегает отчетливая граница. И дело здесь не только в сухом, а порой и просто казенном язы-ке, каким почему-то принято писать научные работы. Основная особенность научной публикации состоит в том, что в ней, как правило, регистрируется то или иное явле-ние, но не показывается, как оно живет в сознании и поступках людей. Это очень до-садный недостаток. Ведь исследуя своеобразный обычай, поверье или социальный ин-ститут, этнограф бывает очевидцем каких-то событий или узнает о них из рассказов людей, в которых также проявляется и их отношение к рассказанному. Но приобрета-я «в поле» чрезвычайно выразительный и богатый информационной материал, ученый далеко не в полной мере использует его в своих работах. Между тем живое воспроизведение разнообразных конкретных жизненных ситуаций, в которых наиболее ярко видны те или иные особенности быта, может совершенно естественно сочетаться во многих эт-

нографических работах с рассуждениями автора, обзором параллельного материала, цифровыми данными и т. п. Книга Г. П. Снесарева, прекрасно передающая особый колорит узбекского Хорезма, лишней раз напоминает нам о настоятельной необходимости повышать и совершенствовать культуру этнографического описания.

Жанр, которым мастерски овладел Г. П. Снесарев, имеет все права на будущее и по другой причине. В наши дни, когда объем научной информации чудовищно возрос, проблема наиболее экономичных способов приобщения к знаниям приобретает особое значение. Нечего и говорить о массовом читателе — специалисту тоже легче освоить беллетристический очерк, чем «научообразно» написанную статью. К сожалению, наряду с явной тенденцией к популяризации науки современная этнография не избежала влияния моды на не оправданную существом дела новую терминологию, подобную той, которую высмеял еще В. И. Ленин в своем бессмертном труде «Материализм и эмпириокритицизм». Новые термины заимствуются из иностранных языков, хотя и имеют точное соответствие в русском языке, и нагромождение их в научной работе заметно затрудняет понимание текста для тех, кто не считает нужным употреблять искусственно создаваемый узким кругом специалистов жаргон. Г. П. Снесарев книгой «Под небом Хорезма» вновь убедительно показал, что о сложных научных проблемах и о своей работе ученый-этнограф может рассказать просто и увлекательно.

В книге Г. П. Снесарева подробно освещены условия и методы работы этнографа среди населения. Даже сложившийся специалист, который уже давно ведет самостоятельные полевые исследования, сможет немало полезного почерпнуть для себя из богатого опыта автора. Что касается массового читателя, привыкшего с должным пониманием относиться к трудностям экспедиционных работ археологов, но с этнографией все еще знакомого недостаточно хорошо, то для него книга «Под небом Хорезма» открывает необычный мир интереснейшей профессии этнографа — профессии беспокойной и утомительной, но богатой неожиданными встречами, яркими впечатлениями и захватывающей романтикой научного поиска. Нет сомнения, что книга «Под небом Хорезма» будет признана одним из лучших образцов популярной этнографической литературы.

Работы Г. П. Снесарева давно привлекли к себе внимание зарубежных этнографов. И его первая книга, и другие публикации — даже небольшая статья в журнале «Наука и религия», явившаяся начальным вариантом главы «Вольнодумцы с развалин древнего Кята», — переведены на английский язык¹. Хочется увидеть переведенной на иностранные языки и книгу «Под небом Хорезма», ибо она относится к числу работ, которые следует распространять за рубежом для пропаганды достижений нашей науки.

В. Н. Басилов

¹ Переводы глав книги Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969) публикуются в «Soviet Anthropology and archeology», (New York), начиная с т. IX, № 3, 1970—71. Его статья «На развалинах древнего Кята» («Наука и религия», 1971, № 2) опубликована также в «Soviet anthropology and archeology», vol. X, No. 2, 1971.

Н. В. Новиков. Павел Васильевич Шейн. Минск, 1972, 222 стр.

Рецензируемая работа, выпущенная в свет минским издательством «Вышэйшая школа», посвящена жизни и деятельности Павла Васильевича Шейна (1826—1900) — собирателя и издателя русского и белорусского фольклора. В книге использован большой рукописный материал (письма, дневники, записи фольклора), что придает особую убедительность и свежесть исследованию.

Несмотря на то, что о П. В. Шейне писали такие авторитетные исследователи, как Н. И. Костомаров, В. Ф. Миллер, А. Е. Грузинский, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Е. Ф. Карский, М. К. Азадовский и др., мы до сих пор не имели достаточно полного и объективного освещения интересной, многообразной и плодотворной деятельности ученого, около 50 лет собиравшего русский и белорусский фольклор.

Рисуя сложный и противоречивый жизненный путь П. В. Шейна, Новиков не идеализирует его, указывая, что лишь в отдельные периоды своей жизни П. В. Шейн разделял демократические идеи, и убедительно показывает, что «по характеру воззрений, подходу к науке и собирательскому труду он более близок к таким деятелям русской культуры, как В. И. Даль».

Сборники П. В. Шейна «Русские народные песни» (1870 г.) и «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях верованиях, сказках, легендах и т. п.» (1898—1900 гг.) принадлежат, наравне со знаменитыми сборниками П. В. Киреевского, А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, к золотому фонду фольклористики; ни один исследователь русского фольклора не может пройти мимо них.

Н. В. Новиков знакомит читателя с историей создания сборника «Русские народные песни», раскрывает его научное значение, рассматривает многочисленные отклики на него ученых и писателей, показывает, как на отборе песен и методике их подачи